

-63 / 109

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

ALUSTATUD 1893. a.   VIHK 657   ВЫПУСК   ОСНОВАНЫ в 1893 г.

МИР А. БЛОКА

БЛОКОВСКИЙ СБОРНИК

ТАРТУ 1985

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ЦИКЛА «РОДИНА»

И. С. Правдина

В 1908 году, в письме К. С. Станиславскому — это одно из самых значительных и «исповеднических» писем поэта — Блок называет «тему о России» своей главной жизненной темой, итогом своих творческих исканий, вершиной своего поэтического пути: «Этой теме я сознательно и бесповоротно посвящаю жизнь. Все ярче сознаю, что это — первейший вопрос, самый жизненный, самый реальный. К нему-то я подхожу давно, с самого начала своей сознательной жизни, и знаю, что путь мой в основном своем устремлении — как стрела, прямой, как стрела — действительный <...> И вот теперь уже (еще нет тридцати лет) забрехали мне, хоть смутно, очертания целого» (VIII, 265—266).¹

О признании Родины высшим духовным идеалом говорится и в предисловии к сборнику «Земля в снегу» (1908 г.), и в драме «Песня судьбы», над которой Блок работает в это же время — в 1907—1908 г.

Таким образом 1907—1908 — это переломные годы, с них начинается новый этап пути поэта, ищущего незыблемых ценностей в самой действительности и находящего их прежде всего в приобщении к Родине — т. е. к народным основам бытия. Закономерно, что именно в эти годы начинает формироваться один из важнейших поэтических циклов — «Родина».

Первые «ростки» этого цикла — в сборнике «Земля в снегу» (1908 г.), в разделе «Подруга Светлая», которым открывается книга, хотя из него в окончательный вариант после многих перемен войдут только два стихотворения — «На родине» («В густой траве пропадешь с головой») и «Ты отошла, и я в пустыне».

Состав раздела «Подруга Светлая»: «Ангел-Хранитель», «На родине» («В густой траве пропадешь с головой»), «Подруга Светлая» («Везде — над лесом и над пашней»), «О несказанном» («Милый брат! Завечерело»), «Мэри» (четыре стихотворения — «Нет имени тебе, мой дальний», «Молитва» («О жизни, догорев-

¹ Все ссылки даны по изданию: Блок А. Собрание сочинений в 8-ми тт. М.-Л., 1960—1963. Римскими цифрами обозначен том, арабскими — страница.

шей в хоре»), «В синем небе, в темной глубине», «Отрывок» («Бесплодные места, где был я сердцем молод») из Байрона, «Прошли года» («Прошли года, но ты все та же»), «Прости» («Так окрыленно, так напевно»), «Надпись на книге стихов» («Здесь тишина цветет и движет»), «Русь» («Ты и во сне необычайна»), «Ты отошла» («Ты отошла, и я в пустыне»).

Непосредственно посвящено родине только одно стихотворение — «Русь», но ее облик сквозит в стихах о Подруге Светлой, сливаясь с чертами героини. Этот центральный символ многозначен: иногда Подруга Светлая близка к Прекрасной Даме, она — Душа Мира («везде — над лесом и над пашней, и на земле, и на воде»), она может воплощать стихийное весеннее природное начало и в то же время сливаться с иконными ликами в храме («Мэри»), она может приобретать и вполне земные и даже индивидуальные черты («Удивленными очами // Мы с тобой покорены, // Над округлыми плечами // Косы в узел сплетены»). «Дева с тайной в светлом взоре над осиянным алтарем» одновременно земная подруга героя, спутница его жизни («Прошли года, но ты все та же // Строга, прекрасна и ясна», «За то, что нам долгая жизнь суждена // О, даже за то, что мы муж и жена»). И еще один аспект образа, особенно нас интересующий: Подруга Светлая — воплощение Родины и хранительница родного дома. Ее мир — мир Родины — единственное прибежище героя, без него герой превращается в бездомного скитальца — «Ты — родная Галилея // Мне — невоскресшему Христу». То же в «Отрывке» (1905), с которого начался цикл «Мэри», — родные «светлые» места, «где был я сердцем молод», освещены «улыбкой Мэри милой», после утраты Мэри героя окружает «бесплодная» заснеженная пустыня.

«Землей обетованной» становится «тихий дом», к которому приходит уставший от жизненных бурь и битв герой («На родине»)², а в облике и речах хозяйки этого дома, напоминающей Елену из «Песни судьбы», чувствуется что-то от русской старины.

² Это заглавие было снято Блоком, когда весь раздел получил название «Родина» (в собрании стихотворений 1912 года). Стихотворение «На родине» (оно потом будет неизменно присутствовать во всех вариантах цикла — в трех редакциях третьего тома и в сборнике «Стихи о России» 1915 переключаясь с «На поле Куликовом», с образами «князя» и «Светлой жены») восходит к первому тому. Стихотворение «Мой любимый, мой князь, мой жених» (1904, «Распутья») воспринимается как его первоначальный вариант. Более раннее стихотворение разрабатывает характерный для первой книги мотив мистического бракосочетания Прекрасной Дамы с грядущим Женихом. Героиня не воплощена еще в человеческом облике, ее присутствие можно только угадать в цветении трав («Павиликой среди нив золотых // Заявилась я на том берегу»), в огоньке церковной свечи («Кольхнусь восковым огоньком, // Дам почуть знакомую дрожь»). В обоих стихотворениях та же тема — вечной верности, вечного ожидания «князя» (первое стихотворение было озаглавлено «Вечно»), тот же пейзаж — цветы и травы, но во втором сняты мистические мотивы, в Ее облике ошутимее «земные» черты, больше подчеркнуто национальное начало.

Рыцарь, отправившийся в долгий путь скитаний и битв (стихотворение «Прости»), должен вернуться в замок Царевны — обитель тишины и счастья. Во время его странствий этот мир останется неприкосновенным, заколдованным, неподвижным (здесь слышится отзвук сказки о спящей царевне, с детства любимой Блоком и многократно и многозначно отразившейся в его творчестве)³. «Хрустальный терем», окутанный «синим пологом», заводь с «тихой водой», «тихий дом», утонувший в цветах и травах, — это отгороженное от бурь, замкнутое пространство, здесь «тайна» и «дремота», время как бы остановилось («Как бывало, забудешь, что дни идут», «Словно мы в пространстве новом, // Словно в новых временах»). Душа героя, слившаяся с этим первозданным и подлинным миром, «не запятнала первоначальной чистоты».

Но «тихим домом» не исчерпывается ощущение Родины. Так же, как и в «Песне Судьбы» (сборник «Земля в снегу» готовился к печати одновременно с работой над пьесой), герой не может не стремиться в большой мир бурь и гроз («Заплачет сердце по чужой стороне, // Запросится в бой — зовет и манит»), так же, как и в «Песне судьбы», Родина — не только «белый дом» Елены, но и ветровые просторы Фаины.

В стихотворении «Русь» тишина загадочна и непрочна: «В тайне ты почишь, Русь» (опять мотив спящей царевны). Но под покровом этого сна — неостанавливающаяся внутренняя жизнь, бурная и таинственная, — «заревое горящих сел», девушка, готовящая убийство возлюбленного, «вихрь, свистящий в голых прутьях», выюга, буйно сметающая «углое жильё». Зарево, Выюга — символы, которые впоследствии, развиваясь и видоизменяясь, станут постоянными в блоковских стихах о России. Предчувствие грядущих бурь — и в стихотворении «Ангел-Хранитель», открывающем цикл, хотя в сборнике «Земля в снегу» оно публиковалось не полностью: самые острые строфы были сняты цензурой.

В других циклах сборника «Земля в снегу», включающего стихи 1906—1907 гг., начинается тема Фаины, еще не названной так; образ неукротимой, вольной женской души, воплощающей стихийное народное начало, «вольную Русь», встает из стихотворений «Работай», «Пляска» («Гармоника, гармоника...») (цикл «Мещанское житье»), «Вот явилась. Заслонила», «Инок» (цикл «Послания») и др.

Этот аспект темы Родины — пока еще в значительной части за пределами цикла, но в следующей книге — «Ночные часы» (1911 г.) — Русь предстанет в контрасте «заколдованного сна» и буйного, вихревого движения.

В сборник «Ночные часы» вошли стихи 1908—1910 гг. Как

³ См. об этом в статье *З. Г. Минц* «Блок и Пушкин». — В сб.: Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, вып. 306. Тарту, 1973, с. 162—166.

известно, 1908 год проходит для Блока в неотступных размышлениях о России, о народе и интеллигенции: этим годом датируются статьи «Народ и интеллигенция», «Стихия и культура», пьеса «Песня судьбы» и значительная часть стихов, составляющих раздел «На родине». Родина и «страшный мир» — два контрастирующих понятия, два центра, к которым стягиваются все нити сборника «Ночные часы», а впоследствии — третьего тома (главы сборника — первые наброски будущих циклов третьего тома: «Возмездие», «Страшный мир», «Итальянские стихи», «Голоса скрипок»).

Таким образом, в самой структуре сборника выражается итог блоковских исканий 1907—1908 гг.: противопоставление вечного незыблемого идеала Родины «страшному миру» «безвременья», реакции, погружающей человека в бурю стихийных индивидуалистических страстей, опустошающих и убивающих душу.

Обострившееся ощущение объективного бытия Родины, стремление осмыслить ее исторические и социальные судьбы требует новых средств поэтического выражения.

В цикл «На родине» вошли следующие стихи: «О доблестях, о подвигах, о славе», «На поле Куликовом» (5 стихотворений), «Мэри» (3 стихотворения: «Опять у этой двери», «Жениха к последней двери», «Косы Мэри распущены»), «На закате» («Она, как прежде, захотела»), «Осенний день», «Россия», «Родине» («Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?»), «На железной дороге», «Романс» («Дым от костра струею сизой»).

Естественно, что в раздел не было включено ни одно из стихотворений цикла «Подруга Светлая» — ведь стихи сборника «Ночные часы» датируются 1908—1910 гг., а в сборнике «Земля в снегу» — в основном стихи 1906—1907 гг. В то же время мы видим «внешнюю», «сюжетную» преемственность — так, например, в разделе «На родине» продолжен цикл «Мэри», начатый в разделе «Подруга Светлая». Но, конечно, гораздо важнее «внутренняя» связь этих двух разделов, которые являются разными этапами движения одной темы. В «Ночных часах» развивается прежний образный ряд: Родина — Она, Подруга Светлая, из облика которой постепенно исчезают «надмирные» черты. В сущности, Она как воплощение чуда, тайны, вселенской гармонии, как неземное явление предстает только в третьем и четвертом стихотворениях из цикла «На поле Куликовом», но и там в ее облике больше чувствуется национальное, чем «вселенское» начало. Она здесь — и оживающая икона богородицы («Был в щите твой лик нерукотворный // Светел навсегда»), охраняющая русского воина в бою, и душа Родины, святая и мученическая, зывающая к освобождению от татарского ига. Значительное место занимают в цикле образные ассоциации Родины с земной спутницей героя, женой, хранительницей домашнего очага (теперь звучит

мотив ее ухода: «Но час настал, и ты ушла из дому»). При этом два начала: Родина и Она уже начинают дифференцироваться, теперь это не только олицетворение, но и сопоставление, где присутствуют обе части параллели: «О, нищая моя страна, // Что ты для сердца значишь? // О, бедная моя жена, // О чем ты горько плачешь?»

Переходит в «Ночные часы» и образ Родины — заколдованной Царевны («Какому хочешь чародею // Отдай разбойную красу... // Не пропадешь, не сгинешь ты...»), причем теперь он становится более выписанным и детализированным. Вскоре (1911 г.) в поэме «Возмездие» этот образный ряд приобретает вполне определенные черты, ассоциируясь с известными явлениями политической реакции.

Рядом с этой традиционной блоковской символикой развивается новая система образов. В программном разделе цикла «На поле Куликовом» раздумья о пути России, о неминуемых социальных катаклизмах выражаются в сопоставлениях с поворотными моментами истории (Куликовская битва).

Заколдованная тишина («Здесь тишина цветет») сменяется звуками боя, «трубными криками татар». Вместо «хрустального терема» или «заводи» с едва шелестящим ветром и прозрачной водой — открытые просторы, степная даль, ночные поля, «темный и зловещий» Дон, туманная Непрядва. Вместо «синего полога» — «закат в крови», «испуганные тучи». На первом плане — неостановимое движение — «Степная кобылица // Несется вскачь».

Образ дороги, полета, кочевья становится организующим в стихотворениях «Россия», «Осенний день», «Родине» («Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?»), «На железной дороге». Исток этого символического ряда — гоголевская тройка, которая в трансформированном виде прошла сквозь многие стихи Блока, поэмы, статьи. Эта тройка угадывается и в стихотворении «Россия» («Опять, как в годы золотые, // Три стертых треплются шлеи, // И вязнут спицы росписные // В расхлябанные колеи»), создавая ощущение постоянного движения, контрастирующего с глубинной неизменяемостью («а ты все та же...») и дополняющего ее. В стихотворении «На железной дороге» возникает поезд как замена тройки (Ср.: «поезд железной дороги обогнал «необгонимую тройку» — V, 347). Это стихи не только о трагедии женщины, но и о судьбах России, о цивилизации, о «блистательном и погребальном веке», который «похоронил человеческий голос в грохоте машин» (V, 347, см. также I главу поэмы «Возмездие»).

Символы движения и внутренней «маяты» — тревожный полет птиц («Летят, летят косым углом // Вожак звенит и плачет. // О чем звенит, о чем, о чем? // Что плач осенний значит?», «И, чертя круги, ночные птицы // Реяли вдали»), зарево пожара

(«широкий и тихий пожар», «тихое, долгое, красное зарево», «зареве горящих сел»), отсвет его — в «багряном кресте» ели, в дыму костра, сливающегося с зарей, покрывающей, даль алым светом («Романс»). Все это усиливает настроение тревоги, ожидания неизбежных катастроф. Финал — растворение в родных просторах («Забудь, забудь о страшном мире, // Вздохни небесной глубиной», «И нам, как дым, струиться надо // Седым туманом в алый круг»), противопоставляемых «страшному миру» бездушной цивилизации. «Романс» поставлен после стихотворения, «За гробом», в котором «многодумная» и «многотрудная» душа народа, приобщенная к вечным таинствам природы и мироздания, противопоставляется «кошунствам» современной интеллигентской жизни.

Таким образом, в сборнике «Ночные часы» закладываются поэтические основы будущего цикла и вырисовывается его текстовый «костяк» (стихотворения «Осенний день», «Россия», «Родине», «На железной дороге», цикл «На поле Куликовом»). Следующие этапы — собрания стихотворений 1912 и 1916 гг.

Через полгода после того, как была закончена работа по составлению сборника «Ночные часы», Блок приступает к подготовке третьего тома собрания стихотворений («Снежная ночь»), который вышел из печати в конце марта 1912 года.

Если в «Ночных часах» циклы были расположены так, что трагизм неуклонно возрастал к финалу (первый раздел — «На родине», последние — «Страшный мир» и «Итальянские стихи»), то в «Снежной ночи» Блоку важна «рассветная линия»⁴, как он говорит об этом в предисловии. Раздел «Родина» — теперь в финале, это — итог душевной жизни героя. Характерно и изменение заглавия, вместо «На родине» — «Родина»: тема четко акцентирована, Родина — главное действующее лицо.

Блок стремится соединить два раздела, два начала, — «Подруга Светлая» и «На родине»: «Прошли года, но ты все та же», «Везде — над лесом и над пашней», «В густой траве пропадешь с головой», «Ты так светла как снег невинный», «Осенний день», «Мэри» (6 стихотворений), «На закате» («Она, как прежде, захотела»), «За гробом», «О доблестях, о подвигах, о славе», «Родине» («Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?»), «Россия», «Романс» («Дым от костра струею сизой»), «На поле Куликовом» (5 стихотворений), «Заклучение» («Благословляю все, что было»).

Из раздела «Подруга Светлая» вошли стихотворения «Прошли года, но ты все та же», «Везде — над лесом и над пашней», «В густой траве пропадешь с головой». В предыдущий — второй — том («Нечаянная радость») перенесены почти все стихи,

⁴ См.: Громов Л. А. Блок, его предшественники и современники. М.—Л., 1966, с. 421—424.

написанные до 1907 года. Исключение делается для стихотворения «Прошли года, но ты все та же», оно теперь открывает раздел. Следующие стихи развивают центральный образный ряд — сопоставление Родины с обликом Подруги Светлой. Условно можно считать их первой частью раздела, в отличие от второй части, начинающейся со стихотворения «Родине», где центральная тема выражена иными поэтическими средствами. Стихи расположены Блоком по тому же тематическому признаку, и потому хронологическая последовательность внутри цикла не соблюдается.

Раздел не производит целостного впечатления, хотя Блок стремится скрепить его: стихотворение «Заключение» — итог, утверждение верности избранного пути («Благословляю все, что было»). Не всегда чувствуется органическая связь между темой цикла и образом героини, женским началом, так, например, явно выпадает разросшийся цикл «Мэри». Начавшийся с перевода стихотворения Байрона, он не обладает ярко выраженным национальным колоритом, и, главное, его внутренняя тема — не столько лирическое ощущение Родины или поэтические раздумья о ее судьбах, сколько мотив трагического земного разъединения Девы и Жениха, обреченных здесь, в реальном бытии, на постоянную грусть по гармонии и свету, по «незнакомому тихому краю», по недостижимой высоте («А вверху, в водоеме твоём, // Тихий господи, // И не счесть светлых рос...»).

И в следующем варианте цикла — во втором издании трехтомника (1916 г.), которое в известной степени подводит итоги дооктябрьского творчества Блока, поэт стремится к четкому выделению темы каждого раздела, к внутренней цельности каждой главы. Определяющим началом в структуре собрания становится тема, хронология ей подчинена (II том — 1904—1907 гг., а III — 1905—1915 гг.). Кроме того, впервые выделены циклы «Разные стихотворения», которые освобождают другие разделы от стихов, не имеющих непосредственной связи с темой. И из раздела «Родина» переносятся в другие, более соответствующие разделы цикл «Мэри», стихотворения «О доблестях, о подвигах, о славе», «На закате» и др. В то же время включаются более ранние стихи, входившие прежде во второй том, непосредственно связанные с раздумьями о неповторимом облике Родины, о приобщении к ее просторам, — «Осенняя воля», «Не мани меня ты, воля» и др. Вновь возвращаются в раздел стихотворения «Русь» и «Ты отошла, и я в пустыне» (Сб. «Земля в снегу»). Теперь цикл имеет следующий состав (стихи в нем расположены по хронологии):

«Осенняя воля», «Я вижу в отдаленном скиту», «Не мани меня ты, воля», «Белый конь чуть ступает усталой ногой», «Вот он — Христос — в цепях и розах», «Прошли года, но ты все та же», «Русь», «Ты отошла, и я в пустыне», «В густой траве пропадешь с

головой», «Когда в листве, сырой и ржавой», «Задебренные лесом кручи», «На поле Куликовом» (5 стихотворений), «Россия», «Осенний день», «Дым от костра струею сизой», «Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?», «Посещение», «Там неба осветленный край», «Сны», «Ветер стих, и слава заревая», «Приближается звук. И, покорна шемящему звуку...».

Таким образом, двенадцать стихотворений вошло в раздел впервые (из них в окончательном варианте останется половина). Из предыдущего издания раздела перешло только шесть основных «опорных» стихотворений и цикл «На поле Куликовом» (большинство из этих стихов входило в «Ночные часы»), и, наконец, два стихотворения, которые были в разделе «Подруга Светлая» в сборнике «Земля в снегу», вошли в цикл вновь в 1916 г. Раздел, как видим, значительно обновлен.

Цикл начинается широкими лирическими пейзажами — «необъятные дали», «путь, открытый взорам»; ясно вырисовывается из большинства стихов облик Руси осенней («Осенняя воля», «Я живу в отдаленном скиту», «Когда в листве, сырой и ржавой», «Осенний день», «Там неба осветленный край» и др.). Если зимние метели символизируют неукротимый порыв страстей («Снежная маска»), то осенняя «воля», прозрачность и печаль — высоту человеческого духа, проникающего всеобщими началами бытия. «Осенние» мотивы — мотивы долга.

Лирический герой — бродяга, нищий, всадник на «белом коне», монах в «отдаленном скиту» с молитвенным восторгом приобщается к «безначально свободной шире», и это приобщение трактуется и как единственная возможность духовного существования («Приюти ты в даях необъятных, // Как и жить и плакать без тебя»), и в то же время как «сораспятие», то есть приятие в себя мук и боли Родины («писатель сопоставляет себя со своей родиной, <...> страдает ее страданиями, сораспинается с нею» — V, 443). И теперь над родными просторами Блоку чаще, чем образ Владычицы Вселенной, видится лик Христа. От стихотворения «Вот он — Христос — в цепях и розах», через стихи «Ты отошла, и я в пустыне», «Когда в листве, сырой и ржавой», к стихотворениям «Задебренные лесом кручи» и «Россия» («И крест свой бережно несущ») развивается сопоставление Христа с лирическим героем.

Христос воспринимается сначала как бездомный бродяга, отверженец и скиталец («Пока такой же нищий не будешь», «Сын человеческий не знает, // Где приклонить ему главу», «В глазах — такие же надежды, // И то же рубище на нем»), как бы впитавший в себя всю печаль Родины, он «кроткий», светлый, страдающий. Но в стихотворении «Задебренные лесом кручи» его облик меняется — это «сжигающий», карающий Христос, о котором пели раскольник-самосожженцы. Здесь Христос — символ грядущих перемен, он связан с тревожным заревом пожа-

ра. Стихи «Задебренные лесом кручи» поставлены непосредственно перед циклом «На поле Куликовом», и они составляют переход к «вечному бою» и «пожарищам» стихов о Куликовской битве.

К «родному простору» все чаще прилагаются эпитеты «печальный», «нищий», «суровый». И тем настойчивее утверждается, что только «там, в дали любимой» — единственная возможность жизни и счастья, «радости-страдания», и все отчетливее чувствуется противопоставление мира Родины «страшному миру». Это особенно относится к последним по времени стихам, заканчивающим раздел: «Посещение», «Там неба осветленный край», «Сны», «Приближается звук. И, покорна щемящему звуку». В них присутствует (больше в подтексте, чем в тексте) противопоставление: там — здесь. «Там» — «на родине», где герой «свободен, весел и силен», — или в мире детства, оваянного светлыми образами народных сказок, или в снах о прошлом: «старый дом», «колючий шиповник», небо, розовеющее «от краю до краю» сливаются с образами счастья, молодости, любви («Хоть во сне твою прежнюю милую руку // Прижимая к губам»). «Здесь» — в «черном городе», где тянутся долгие годы «нескончаемой ночи», когда «душа для видений ослепла», измученная одиночеством («Я привык, чтоб над этой постелью // Наклонялся лишь пристальный враг»).

Характерно, что такие программные стихотворения, как «Новая Америка», «Последнее напутствие», «Грешить бесстыдно, непробудно», «Петроградское небо мутилось дождем», «Рожденные в года глухие», «На железной дороге», в которых говорится о «темном», «грешном», «гибельном» российском начале, о трагических жертвах, в третьем томе издания 1916 года входят в раздел «Разные стихотворения», в то время, как в сборник «Стихи о России», вышедший почти на год раньше, в мае 1915 года, все эти стихи вошли (кроме стихотворения «На железной дороге»). Объясняется это, очевидно, общей композицией третьего тома; Блоку важно в разделе «Родина» создать светлый идеал, противопоставленный другим циклам книги, прежде всего «Страшному миру» и «Возмездию», трагизм которых в этом издании значительно усилен включением таких стихов, как «К музе», «Унижение», «Авиатор», «Пляски смерти» (цикл «Страшный мир») и «Шаги командора», «Как тяжело ходить среди людей», «Как растет тревога к ночи», «Как свершилось, как случилось?» и др. (цикл «Возмездие»). А в небольшом сборнике «Стихи о России» (изд. журн. «Отечество», 1915) Блок постарался представить тему Родины полнее и разностороннее, причем включил стихи, которые никогда больше в раздел не включались — напр. «Холодный день» и «В октябре». Можно уловить и определенное стремление поэта к тому, чтобы по возможности убрать наиболее «индивидуальные», «личностные»

стихи (нет таких стихотворений, как «Ты отошла, и я в пустыне», «В густой траве пропадешь с головой», «Дым от костра струею сизой», «Посещение» и др.) и оставить преимущественно стихи о путях и судьбах России, о войне (в сборник вошли стихотворения «Петроградское небо мутилось дождем» и «Я не предал белое знамя»).

Издательство «Отечество» занимало оборонческую позицию, призывало к примирению всех сословий, к «мирному сожительству, преуспеянию и равенству всех граждан России».⁵ Очевидно, между Блоком и издательством существовали разногласия, об этом говорит дарственная надпись А. Н. Чеботаревской: «Александре Николаевне — эта книжка, изданная в безвременье, неизвестно кем и неизвестно зачем, — с благодарностью за дружбу и за перенесение разных неприятностей, с изданием этой книжки связанных, и на память о разговорах о разных отечественных и «отечественных» вопросах, по телефону веденых».⁶ Поэт отделяет свое понимание отечества от точки зрения издателей. И все же, вероятно, в какой-то мере он должен был учитывать направление издательства. Характерны некоторые особенности композиции сборника. Мы имели возможность убедиться, что у Блока стихотворение приобретает определенные смысловые оттенки не только от включения в определенный раздел, но и от того места, которое оно в нем занимает, от тех стихов, которые поставлены рядом. В сборнике «Стихи о России» последние стихотворения расположены в следующем порядке: «Рожденные в года глухие», «Праздник радостный, праздник великий» («Новая Америка»), «Грешить бесстыдно, непробудно», «Петроградское небо мутилось дождем», «Последнее напутствие», «Я не предал белое знамя». Хронология не соблюдена, видна общая тенденция к сглаживанию противоречий, к просветлению «грешного», «темного» начала, — сборник заканчивается образом Вифлеемской звезды над полями сражений. В третий том (он готовился к печати во время выхода сборника «Стихи о России», в марте — мае 1915 года) стихотворение «Я не предал белое знамя» вообще не вошло, в цикле «Разные стихотворения» (здесь тоже есть отступление от хронологии) стихотворение «Новая Америка» отодвинуто от вышеперечисленных стихов, финал раздела строится следующим образом: «Последнее напутствие», «Грешить бесстыдно, непробудно», «Петроградское небо мутилось дождем» (без двух последних «примиряющих» строф) и «Рожденные в года глухие». Здесь тенденция обратная — к обострению трагических противоречий.

В то же время в самом разделе «Родина» в III томе трагиче-

⁵ См. публикацию Д. Е. Максимова «Письма и дарственные надписи Блока Александру Чеботаревской» в кн.: Блоковский сборник, I. Тарту, 1964, с. 550.

⁶ Там же.

ские ноты ослаблены, «страшный мир» еще не проникает внутрь «обетованных», хотя и «печальных» просторов, его присутствие ощущается за ними, вне их пределов.

Таким образом, в третьем томе (издание 1916 года) разные тенденции в восприятии Родины разведены по разным разделам, синтетическое воплощение темы — внутри цикла — в каноническом послереволюционном издании.

Последний раз «третий том» подготавливается Блоком к печати в 1918 году. Уже созданы поэмы «Двенадцать», «Скифы», написана статья «Интеллигенция и революция», продолжается работа над поэмой «Возмездие», и все, сделанное ранее, теперь проверяется не предчувствием революции, а ее свершением.

В томе появляется раздел «Ямбы», поставленный Блоком на то место, на котором в третьем томе 1916 г. помещался цикл переводов из Гейне «Опять на родине». Внутренне «Ямбы» соотносятся с предыдущим циклом «Возмездие». «Ямбы» несут тему действенного революционного возмездия «страшному миру», тему грядущей революции, неизбежности гибели «сытых», расцвета новой народной Родины: «Когда же всколосится поле, // Вздохнет униженный народ?»

Таким образом, в третьем томе послереволюционного издания тема родины существенно дополнена, сам же раздел опять значительно переработан.

Из раздела снято все, что связано с мистической «неизреченностью» России («Русь»), исключены и стихи с отголосками культа «Прекрасной Дамы» («Белый конь чуть ступает усталой ногой», «Я живу в отдаленном скиту»). Все эти стихи ушли во второй том: Блок опять вернулся к 1907 — этапному — году как к хронологической границе третьего тома.

Уходят во второй том и стихи «Вот он — Христос — в цепях и розах», и «Осенняя воля», и стихотворение 1907 года «Когда в листе, сырой и ржавой», то есть сокращается количество стихотворений с образом «кроткого» и страдающего Христа, тем заметнее выделяется Христос «сжигающий». Развитие этого образа — знаменитый Христос из «Двенадцати».

По сравнению с предыдущим изданием включено десять новых стихотворений, четыре из которых вообще в собрание не входили («Вот он, ветер», «Я не предал белое знамя», «Дикий ветер», «Коршун»), а шесть входили в цикл «Разные стихотворения» (мы их перечислили выше). В последнюю редакцию раздела впервые включено более трети стихотворений, стихи Блок располагает в хронологической последовательности.

В последнем издании трехтомника тема родины с наибольшей отчетливостью проходит сквозь всю блоковскую лирику — в первом томе Родина сливается с обликом Прекрасной Дамы, во втором томе обретает самостоятельное бытие («Русь», «Осен-

няя воля», «Когда в листе, сырой и ржавой» и др.), а цикл «Родина» является главным смысловым центром третьего тома.

От вступления («Ты отошла, и я в пустыне») до вновь включенных стихов — «Последнее напутствие», «Я не предал белое знамя» развивается постоянное ощущение Родины, как вечного источника духовной жизни, в противоположность тому омертвлению души, которое воплощается в циклах «Страшный мир» и «Возмездие» — и с наибольшей трагической силой по сравнению с предыдущими изданиями: «Опять мы к тебе, Россия, // Добре ли из чужой земли» — через «ночные пути», «крики врагов» — к Родине, к вечной первой любви.

Облик Родины сопоставляется, как и ранее, с той, «кого любил ты много»; в «Последнем напутствии» «наша русская дорога, наши русские туманы, наши шелесты в овсе» и «милая твоя» — это незыблемые ценности жизни, последние предсмертные видения, итог земного бытия.

В то же время возрастает ощущение внутреннего трагизма жизни Родины. Буйный ветер, «звонящий тоскою осторожной», («Ты стоишь под метелицей дикой, // Роковая родная страна», «Дикий ветер // Стекла гнет, // Ставни с петель // Буйно рвет»), зарево пожара («над бескрайною топью // Огонь невозможный», «испепеляющие годы», «встает мятеж, горят деревни»), сгущающиеся тучи («звезда из-за туч не видна», «в закатной дали были дымные тучи в крови»), тревожный полет птиц («и пусть над нашим смертным ложем // Взовьется с криком воронье»), — основная символика цикла развивается в стихах, вновь вошедших в раздел. И в последнем варианте цикла эта предгрозовая атмосфера в значительно большей степени, чем раньше, связана с реальными противоречиями трагического бытия предреволюционной России.

Призыв «Забудь, забудь о страшном мире» оказывается невыполнимым: «Мы — дети страшных лет России // Забыть не в силах ничего». Отвлечься от «страшного мира» невозможно (в «Ямбах» — «Уюта нет — покоя нет»), даже предсмертный бред («Последнее напутствие») — это синтез видений из мира Родины и «страшного мира» («Коварство, слава, // Злато, лесть, всему венец — // Человеческая глупость, // Безысходна, величава, // Бесконечна...»). В следующем стихотворении «человеческая тупость» конкретизирована, прочно связана с общей проблематикой цикла — «грешить бесстыдно, непробудно» (заглавие в первой публикации — «Россия»), а далее — грустная повесть о «роковой пустоте» в душах русских людей, о «глухоте и черноте» современного русского бытия, о «тысячах жизней», отправляемых на «галицийские кровавые поля».

От стихотворения «На железной дороге», вновь вошедшего в раздел, к стихам «Петроградское небо мутилось дождем» тянутся определенные связующие нити — не только сходного образного

ряда (движение России — поезда), но и сходного композиционного принципа. Оба стихотворения исходят из реального бытового события, характерного для времени (гибель женщины, раздавленной «любовью, грязью иль колесами», уход на войну эшелона с тысячами обреченных), подчеркивающего и воплощающего трагизм российской жизни. Появляются характерные приметы времени: «крест и насыпь могилы братской», шемящая волна» солдатской песни. Судьба сегодняшнего поколения русской интеллигенции зависит от времени, — «от дней войны, от дней свободы».

Впервые в цикле подробно и конкретно рисуются черты «сытых», «толстопузого мешанства» с его мертвящей силой собственничества, накопительства («И под лампадой у иконы // Пить чай, отшелкивая счет, // Потом переслунить купоны, // Пузатый отворив комод»). Это — тоже Россия, это «страшный мир», проникший внутрь цикла, эти стихи перекликаются с сатирическими зарисовками современного быта в стихах «Жизнь моего приятеля» («Страшный мир»).

Представление о будущем России тесно связывается с мыслями о борьбе, об освобождении, финал цикла — «Коршун» (здесь возникают прямые ассоциации с «Ямбами») с его открытым гневным пафосом: «Доколе матери тужить, // Доколе коршуну кружить?».

Один из аспектов блоковского представления о будущем России — мечта о ее промышленном возрождении: «Новым ты обернулась мне ликом». В этих стихах («Новая Америка») — как бы полемика с самим собой, переосмысление образного ряда стихов о Куликовской битве — «Нет, не видно там княжьего стяга, // Не шеломами черпают Дон... // Там чернеют фабричные трубы, // Там заводские стонут гудки». Здесь же — развитие и уточнение центрального образа стихотворения «Россия»: «Нет, не старческий лик и не постный // Под московским платочком цветным». Новое наполнение получает и символический ряд: мертвая царевна под властью колдуна — жених-освободитель («Не в богатом покоишься // Гробе ты, убогая финская Русь!.. // Черный уголь здесь царь и жених»). Блок мечтал не только о фабричном возрождении, но и о торжестве в России новой демократии («Уголь превращается в алмаз», Россия — в новую Америку, в новую, а не в старую Америку — III, 298), и знаменательно, что эти стихи были включены в цикл «Родина» после революции.

Связь с тем же сказочным символом — борьба за невесту со злым колдуном — в стихотворении «Дикий ветер» («Как мне скинуть злую дрему, // Как мне гостя отогнать, // Как мне милую чужому, // Проклятому не отдать»), в «Коршуне» — трансформация того же мотива — колдун, превратившийся в злую птицу, кружит над Россией (см. «Возмездие»).

Все отчетливее звучат ноты активно-действенного, а не пас-

сивно-созерцательного отношения к Родине. «И страсть, и ненависть к отчизне», — такое отношение Блок считал «настоящим» и «неподдельным» (см. ответ на анкету о Некрасове — IV, 484).

Характерно, что подготавливая единственное собрание своих избранных стихов («Изборник» — работа над ним велась летом 1918 г., т. е. одновременно с подготовкой третьего тома — Блок постарался представить в нем Родину в том же синтетическом целостном облике. В «Изборник» включено более двух третей от общего числа стихотворений раздела «Родина» (и стихи о России из второго тома — «Русь», «Осенняя воля» и др.), не вошло только восемь стихотворений (большинство из них являются как бы вариантами «основных»). Характерно, что оказались исключенными из «Изборника» стихи, в которых звучат примиренческие нотки по отношению к первой мировой войне («Петроградское небо мутилось дождем», «Я не предал белое знамя»), а также стихотворение «Дым от костра струею сизой». Возможно, что его пафос — отвлечения от «страшного мира», растворения в «небесной глубине» показался Блоку несозвучным с бурными днями революционных потрясений. Что же касается основных, программных стихов о трагически противоречивом бытии предреволюционной России, о неизбежности социальных катаклизмов, о нерасторжимом единстве личности и «всеобщего», народного начала, — они представлены в «Изборнике» с большой полнотой.

Таким образом, цикл «Родина» в третьем томе является завершением и синтезом всего ранее найденного и в то же время непосредственно подготавливает итоговые блоковские раздумья о России и революции.

Явственно обнаруживается связь цикла с поэмой «Возмездие», развитие которой определяется движением России к революции, а традиционная блоковская символика вырастает на почве конкретного исторического видения. Ощутимы и предпосылки поэмы «Двенадцать» с ее темой крушения «избяной, кондовой, толстозадой» Руси, с ее символикой ветра, метели, «мирового пожара» революции, обновляющей жизнь.

Цикл складывается многостепенно и трудно: от первых набросков в сборнике «Земля в снегу», где тема еще не выкристаллизовалась, через сборник «Ночные часы», где закладываются основы будущего раздела и тема получает самостоятельное существование, — через три редакции трехтомника к определению границ темы; это, вероятно, самое трудное для Блока, известна его фраза о своем творчестве: «Это все — о России».

По мере того, как уточняются очертания раздела, он все более тесно связывается с другими разделами тома, в каждом разделе звучит своя, определенная мелодия, и в совокупности возникает мощное симфоническое звучание блоковской лирики.